
Юлия Кантор

**ДАНИИЛ ГРАНИН.
СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ:
ОПЫТ ИНТЕРВЬЮ**

Об авторе: Кантор Ю. З., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена. Автор более 100 научных работ (в т. ч. шести монографий): по истории советско-германских отношений межвоенного периода; о судьбе художественных ценностей в годы Второй мировой войны; о взаимоотношениях личности и тоталитарного государства; о культуре и политике памяти в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Научную деятельность сочетает с журналистской.

About the author: Kantor, Y. Z., doctor of historical Sciences, Professor of Department of world history Herzen state pedagogical University. A. I. Herzen. Author of more than 100 scientific works (including 6 monographs) on the history of the Soviet-German relations of the interwar period; the fate of artistic values during the Second World War; the relationship of the individual and the totalitarian state; culture and politics of memory in Eastern Europe and the post-Soviet space. She combines her scientific and journalistic activities.

Несмотря на активное общественное и профессиональное внимание к творческому наследию Даниила Гранина, следует констатировать, что рамки изучения и анализа его творчества как у литературоведов, так и у историков ограничены преимущественно военной и социальной прозой, а также – произведениями, посвященными более ранним историческим периодам. Публицистическое же наследие Гранина, увы, остается в тени – несмотря на то, что в постсоветское время, особенно в последние полтора десятилетия, медиа-востребованность писателя была колоссальной. Причем Гранин воспринимался значительной частью российского общества (и политической элитой) не только как «свидетель времени» – фронтовик, и «летописец войны и блокады», но и как нравственный камертон. Сообщение

на тему «Даниил Гранин. Сложные вопросы истории: опыт интервью» предполагает попытку наметить некоторые направления исследования этой весьма заметной страницы его профессиональной биографии.

Как представляется, именно диалоговая публицистика – интервью – является принципиально важным материалом для анализа, позволяющим вскрыть мировоззренческие «доминанты» писателя и гражданина, их трансформации и, что существенно, – увидеть авторефлексию. Даниил Гранин сознательно и последовательно противостоял тому, чтобы из него делали «икону», пророка или марионетку-символ. В интервью, отобранных для анализа, есть несколько сюжетов, раскрывающих как отношение Гранина к историческим событиям, современной политике, в том числе – «политике памяти», «сложным вопросам истории», так и его рефлексию на собственное профессиональное и личностное становление. Эти интервью опубликованы в СМИ разной направленности: как в официально-государственных, так и в независимых и оппозиционных.

Гранин всегда интересовался вопросом формирования идеологической системы. Системы, в которой он жил. Это нашло отражение – весьма сжато – в его художественном творчестве. Но вот как он оценивает доминанту советской идеологии, «скрепы системы» с большой временной дистанции:

«Рабская психология формировалась долго. Понадобился Террор, начиная с двадцатых годов, надо было высылать людей в Соловки, на Колыму, в Магадан, надо было раскулачить лучших крестьян, сослать их в Сибирь. Нужны были расстрелы дворян, оппозиции, спецов, а затем и беспричинные расстрелы во всех республиках, городах, надо было уничтожить миллионы и миллионы советских людей – это на их трупах вырос страх»¹.

Страх как тотальное явление, пронизывающее все сферы жизни, определяет ментальность типичного советского человека. На этом, по Гранину, базируются и взаимоотношения человека и власти в тоталитарном государстве. Власть и страх – олицетворение системы. И обоснование длительности и живучести его порождения сегодня. Гранин в интервью «Российской газете», (официальному органу российского правительства) говорит об опасных деформациях массового сознания, неизжитости страха. Это перекликается не только с его романом «Страх», но и с Артуром Кестлером, создавшим произведение под таким же названием и с аналогичной фабулой. И тоже анатомирующий механизм страха. Гранин продолжает размышлять, ставить диагноз состоянию уже не советского, – российского общества. Без пафоса и аффектации. И – без умолчаний.

«Чем гуще, тяжелее атмосфера страха, тем было для власти лучше. Страх тем временем стал стойким. Мы избавились от страха войны, страха капитализма и прочих наваждений. А вот страх доносительства, страх “органов” – от него никак не оправиться, он и поныне передается по наследству... Подозрительность осталась. Осторожность высказываний – сохраняется. Мы так свыклись с ложью – и нашей, и ложью властей, что она стала естественной. Мы остаемся готовыми к повиновению»².

Он, размышляя, демонстрирует именно ключевой тезис: «Осторожность высказываний сохраняется. Мы так свыклись с ложью – и нашей, и ложью властей, что она стала естественной. Мы остаемся готовыми к повиновению. Это все осложнения от долгой болезни страха»³. Но не уходит от настойчивых вопросов интервьюера, лишь вербальным «колебанием» подчеркивает его верность. И сам же преодолевает эту осторожность.

«А отчего, на Ваш взгляд, с одной стороны власть осуждает сталинизм, с другой – подыгрывает сталинистам?

– Юля, Вы перешли грань – это уже не история, а политика.

– Вы можете провести грань между историей и политикой?

– Ну хорошо... Созданную Сталиным систему страха им сегодня нечем заменить, не научились»⁴.

Гранина как писателя всегда интересовала тема свободы в экстремальных ситуациях, так называемой свободы аффекта, и свободы в повседневности. Вторая – гораздо труднее. Здесь особенно важно отметить, в том числе и основываясь на собственном журналистском опыте, – Гранин никогда не вычеркивал сказанное им при визировании текстов перед публикацией. Гранин в интервью сознательно не отделяет себя от своего же поколения, своей среды. Он предлагает беспристрастное наблюдение и жесткий самоанализ.

«Мои однополчане, бесстрашные люди, после войны не решались выступать со своим мнением, оспорить какого-нибудь инструктора райкома, отмалчивались, покорно поднимали руку, голосуя вместе со всеми.

– А Вы?

– И я... Ничем не лучше других. Внутренне возмущался, в крайнем случае в кругу друзей высказывался, и то осторожно. На фронте не трусил, здесь же, в мирных условиях, когда речь о жизни–смерти не шла, – боялся»⁵.

Одним из драматических событий в жизни Гранина стала печально знаменитая история с журналами «Звезда» и «Ленинград», жертвами политической, идеологической травли стали тогда, в 1946 г., Ахматова и Зощенко⁶. Гранин вспоминал, как стоял в мокрой от дождя танкистской куртке и читал текст, еле разбирая печать на тем-

ном сыром листе... Потом, уже в 50-е гг., он был свидетелем, участником даже, судилища писательской организации Ленинграда над Зощенко, который не стал каяться. Зощенко на встрече с английскими студентами сказал, что не согласен с обвинениями Жданова в 1946 г., прозвучавшими в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград». И, вызванный вслед за этим на партийно-писательскую экзекуцию, нашел в себе мужество повторить: «Не согласен!». Чем вызвал шок в зале. И – травму для тех, кто тогда промолчал, не защитил. Среди промолчавших был и сам Гранин. И он честно об этом рассказал. Без показного самобичевания, но и без всякой ретуши.

«Зощенко не стал просить прощения, отказываться от своих слов. Понимаете?! Никому в голову не приходило, что он осмелится восстать. Сил-то у него никаких не должно было оставаться, ни сил, ни духа – его же травили все эти восемь лет, с 1946 по 1954-й. А они были, у этого невысокого, худого, больного человека... И закончил так: “Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения”. Зал оцепенел. И вдруг раздались аплодисменты. Аплодировали два человека»⁷.

Так сложилось, что за несколько лет до той беседы с Даниилом Граниным, я брала интервью у одного из этих двоих – тех, кто нашел в себе мужество не промолчать, кто посмел аплодировать. Это тоже фронтовик, тоже литератор, ставший знаменитым драматургом, Александр Володин. Он рассказывал, что аплодировать его заставила оглушающая тишина.

«В 46-м году Жданов буквально убивал Зощенко хамством, враньем, партийностью. Это был, может, первый случай, когда я раз и навсегда решил – буду от негодеев в стороне, – и аплодировали Зощенко. – Дело было вот в чем. После ждановского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», осуждавшего Зощенко и Ахматову, собрался весь партийно-писательский синклит. И должен был выступать Зощенко, каяться. А он не стал! Он перед этими подонками не извинялся. Гении рабству неподвластны. Заканчивая выступление, крикнул в зал: «Не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!» Этого крика, этих слов не забыть. Все жутко молчали. И тогда Израиль Меттер (писатель, сценарист. – Ю. К.) и я зааплодировали. В той слепой тишине»⁸.

Гранин запомнил урок и интерпретировал его. Но Гранин бы не был Граниным, если оставил эту историю в закрытой зоне своей памяти, в глухой рефлексии. Он принял решение проанализировать случившееся, произвести детальный вербальный анализ знакового события. Писатель Гранин становится искателем: ему нужно дословно пережить случившееся. Ему нужен текст – в самом буквальном

смысле. И снова его интересует не только молчащее, а значит, соучаствующее в моральном насилии большинство, но личность, противостоящая Системе. Его открытие было ошеломляющим. На авансцену Истории вдруг выходит «маленький человек», герой, который не заметен в том молчащем зале. Не аплодировавший, но сохранивший для Истории документальную Память, подлинное свидетельство знакового события.

«Много лет спустя я искал стенограмму выступления Зощенко. Ее нигде не было. Она была изъята. Вырвана из всех папок. Сколько я ни спрашивал у коллег-писателей, присутствовавших на том собрании, – никто не записал. Но нашелся один человек, который не побоялся (записать. – Ю. К.). Стенографистка, работавшая на том заседании. Она сохранила себе копию, хотя делать это было запрещено. Она передала мне стенограмму. Вы понимаете – тихая женщина, за маленьким столиком фиксирующая это судилище, оказалась мужественнее всех нас. Честнее»⁹.

Следующий этап – самопознание. Прозрение, наступившее у смертельной черты. В буквальном смысле на линии между жизнью и смертью: на передовой, на Пулковских высотах. «Нами, нашим мясом просто затыкали фронт. Но вдруг оказалось, что передний край – это свобода. Он обнажает правду. Свобода мысли и возможность поступка – это тоже свобода. Нет давления власти. Я задумываться начал именно на Пулковских высотах, в промерзшем окопе»¹⁰. Об освобождении от догматов, но и о постижении единственно главного. О возникших раз и навсегда сомнениях в том, что еще вчера как-бы из чувства самосохранения казалось непреложным. О лингвистической и смысловой разнице понятий Государство и Отечество.

«Мой приятель, увидев плакат с призывом “грудью защищать Родину”, сказал: “Как же защитить грудью-то?” Я ответил, что это метафора. Он улыбнулся: “И метафорой нельзя”. Ехали весело, считая, что война недолгой будет, что мы их всех сейчас раскидаем. А наши командиры, прошедшие финскую (войну. – Ю. К.), глухо молчали. Вот только недоумение омрачало эту поездку: как это наши друзья-фашисты нас предали, как же дальновидность наших руководителей, заключивших пакт? Но обсуждать даже между собой – не решились...»¹¹

Принципиально важна для Гранина-фронтовика и Гранина-писателя критическая оценка исторической политики у нас в стране и за ее пределами. Он справедливо считает личным оскорблением попытки умалить роль Советского Союза, России в Победе. Эта ложь, политическое лукавство в угоду политической конъюнктуре является для него категорически неприемлемой. Ибо она антиисторична.

«Честно говоря, мне обидно, что спустя столько времени приходится доказывать, что наши 30 миллионов людей погибли не зря, что у нас отбирают эту славу и заслугу по разгрому фашизма. Почему я должен что-то доказывать? Я прошел всю войну. Как не стыдно? Это мы разгромили фашизм. Это наша общая заслуга, и в первую очередь – России. Именно России. Но ходить и говорить, какие мы хорошие и как нам обязан мир, – это не пристало победителю»¹².

О работе памяти Гранин говорит весьма определенно. Он, часто приезжавший в Германию еще до ее объединения и после, сравнивает тенденции формирования стереотипов. Он критичен и объективен. Вопрос о личной ответственности так и остался для него весьма болезненной темой. (Здесь я снова отсылаю вас к сюжету с Зоценко.) Гранин выговаривает в буквальном смысле это покаяние, он говорит уже о необходимости нам, сегодняшним, не дистанцироваться от прошлого, не отстраняться от ответственности. Уважать прошлое – значит, знать его во всей полноте, даже с неприглядными страницами.

«В Германии нет этой отстраненности от преступления власти. Германия проделала огромную работу по осознанию исторического прошлого на личном уровне. А мы, прошедшие через сталинизм, такой работы не провели. Мы не осмыслили свою личную ответственность перед прошлым. Эта отстраненность дает если не индульгенцию, то уверенность в невиновности. Готовность списывать личную ответственность на всякого рода исторические обстоятельства, делать ответственность коллективной – значит амнистировать самого себя...»¹³

Россия и Германия в диалоге с общим прошлым – тема рефлексии Гранина, многократно бывавшего и в ГДР, и в ФРГ до их объединения и после падения Берлинской стены. Конечно, принципиальным и незабываемым было и осталось: «мы» и «они». Отношение фронтовика-победителя, фронтовика-освободителя к народу, который пришел на его Родину с войной на уничтожение. И вот – немецкая награда.

«Когда я опустил немецкий орден, полученный от правительства ФРГ, в ящик, где лежат военные награды, все остальные ордена страшно возмутились! Очень уж им не понравился новый сосед. Судя по всему, ордена что-то лучше понимали, чем я»¹⁴.

Гранин иронизирует над своими ощущениями, но и не скрывает этого разлома, этого парадокса. И тема примирения – прощения для него с девяностых годов становится доминирующей в осмыслении.

Резюме, сформулированное, выстраданное Даниилом Граниным, актуально и сейчас, когда политический климат резко похолодел и когда политические тренды вновь подталкивают людей к кон-

фронтации. «Ненависть – чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить»¹⁵.

Такие встречи, как конференция «Гранин и Германия: трудный путь к примирению» в Петербурге и Берлине, являются весьма важным «противоядием» против ненависти, возможностью диалога, который отнюдь не закончился с уходом писателя в мир иной.

Примечания

¹ Даниил Гранин: Сталин и страх – синонимы // Российская газета. 05.03.2013. <https://rg.ru/2013/03/05/granin.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Час мужества пробил. 60 лет назад вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Российская газета. 14.08.2014. <https://rg.ru/2006/08/14/postanovlenie.html>

⁷ Даниил Гранин: Сталин и страх – синонимы // Российская газета. 05.03.2013. <https://rg.ru/2013/03/05/granin.html>

⁸ Александр Володин: Жизнь – это такое воспоминание // Известия. 18.12.2001. <https://iz.ru/news/256020>

⁹ Даниил Гранин: Сталин и страх – синонимы // Российская газета. 05.03.2013. <https://rg.ru/2013/03/05/granin.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Даниил Гранин: 70 лет назад наша страна совершила даже не подвиг, а чудо // Новая газета. 07.05.2015. URL: <https://nvspb.ru/2015/05/07/daniil-granin-70-let-nazad-nasha-strana-sovershila-daje-ne-podvig-a-chudo-57590>

¹³ Даниил Гранин: Сталин и страх – синонимы // Российская газета. 05.03.2013. URL: <https://rg.ru/2013/03/05/granin.html>

¹⁴ Даниил Гранин: Моя война пахнет страхом и солдатским потом // Российская газета. 27.11.2012. URL: <https://rg.ru/2012/11/27/granin.html>

¹⁵ Даниил Гранин: Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить // Аргументы и факты. 28.01.2014. URL: https://aif.ru/society/history/pisatel_daniil_granin_nado_umet_proschat_no_nado_umet_i_pomnit